

Научная статья
УДК 101.14
doi: 10.17223/15617793/481/7

Философия Ницше как проект семиотической онтологии

Вячеслав Тависович Фаритов¹, Илья Вячеславович Дёмин²

¹ Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, vfar@mail.ru

² Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия, ilyadem83@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу семиотических аспектов учения Ф. Ницше. Авторы обосновывают тезис, что в философии Ницше представлен проект семиотической онтологии, основанный на понимании воли к власти как семиотического процесса. Показано, что в европейской метафизике утвердилась семиотическая модель платонизма, исходным пунктом которой выступает гипостазирование трансцендентного означаемого. Авторы приходят к выводу, что в учении Ницше разрабатывается семиотическая модель иного типа, позволяющая выйти за пределы концептуального горизонта европейской метафизики.

Ключевые слова: семиотика, знак, означаемое, онтология, метафизика, Ницше, Платон

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

Для цитирования: Фаритов В.Т., Дёмин И.В. Философия Ницше как проект семиотической онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 60–65. doi: 10.17223/15617793/481/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/7

Nietzsche's philosophy as a project of semiotic ontology

Vyacheslav T. Faritov¹, Ilya V. Demin²

¹ Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, vfar@mail.ru

² Samara National Research University, Samara, Russian Federation, ilyadem83@yandex.ru

Abstract. The article analyses the semiotic aspects of Nietzsche's teachings. The authors substantiate the thesis that Nietzsche's philosophy presents a project of semiotic ontology based on understanding the will to power as a semiotic process. Post-metaphysical philosophy emerges as a response to the event of a crisis in European metaphysics. The situation of "loss of confidence in metanarratives" provokes the need for a reorientation of philosophical discourse and the search for new conceptual horizons of philosophical thinking, up to the development of a new categorical-conceptual apparatus. The metaphysical categories of substance, phenomenon, existence, transcendence turn out to be inadequate for post-metaphysics. In this situation, Nietzsche was one of the first to search for other perspectives of philosophical thinking. In his teachings, a project of semiotic philosophy is already presented as an alternative to metaphysics. Of course, both the philosophy of language and the theory of the sign were developed even before Nietzsche. But it was primarily a metaphysical philosophy: language was interpreted as a sphere of representation of being. Nietzsche implements a fundamentally different approach: being itself turns out to be only an effect of language, a grammatical phenomenon. The article substantiates the thesis that Nietzsche's speech is not about the rejection of ontology as such, but about the formation of a new ontological paradigm, an ontology of a post-metaphysical type. This is not an ontology of transcendental being, being as a "thing-in-itself", in relation to which everything sensuously perceived acts as a sign, a "phenomenon." Nietzsche presented a draft ontology of the sign itself. The philosopher understands meaning as a permanent process of meaning formation, not as a representation of a transcendental substance. In Nietzsche's philosophy, signification is not a representation of the will to power, hypostatized in the manner of Schopenhauer's metaphysics. The very process of signifying is nothing more than the will to power. The will to power, understood as a process of meaning and interpretation, meaning formation, is not something fixed, established once and for all. The will to power as a semiotic process is a permanent formation, a continuous generation of new meanings and values. The article shows that Nietzsche implements a project of Heraclitean semiotics, proceeding from the ontological premise of understanding meaning formation as a stream that does not know the completion of formation. As a result of the study, the authors come to the conclusion that Nietzsche's orientation towards a hierarchical order of values again allows drawing a parallel between Nietzsche and Plato. At the same time, the article articulates the difference between the semiotic-ontological models: Plato proceeds from the inner structure of the soul, from the order of eternal ideas, while Nietzsche asserts the will to power as a process of creating higher values and orders of existence. Plato proceeds from the transcendent signified to be represented; for Nietzsche, the will to power itself is a semiotic process.

Keywords: semiotics, sign, signified, ontology, metaphysics, Nietzsche, Plato

Financial support: The article was prepared with the support of the Council for Grants of the President of the Russian Federation, project MD-2252.2021.2 “The political language of Russian conservatism: cultural and semiotic analysis”.

For citation: Faritov, V.T. & Demin, I.V. (2022) Nietzsche’s philosophy as a project of semiotic ontology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 60–65. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/7

Одним из знаковых проявлений лингвистического поворота в постметафизической философской мысли является становление философии семиотики [1]. Семиотика трактуется в качестве онтологического учения: «Общая семиотика является онтологической доктриной, утверждающей знаковый характер любого рода объектов, предметов, понятий, процессов, состояний и положений дел, с которыми человек имеет дело» [2. С. 9]. В исследовательской литературе можно встретить положение, согласно которому данное направление вырастает на основе философской рефлексии по поводу семиотики как научной дисциплины: «Философия семиотики вырастает из семиотики. Семиотика дорастает до философских обобщений в теории семиотического пространства (семиосферы) Ю.М. Лотмана, которого следует признать основоположником философии семиотики» [3. С. 1]. Это утверждение можно признать справедливым лишь отчасти. Дело в том, что сама семиотика вырастает из постметафизических преобразований философского дискурса и потому изначально содержит в себе философские импликации. В качестве науки семиотика занимается исследованием вопросов, связанных с функционированием знаковых систем в отдельных областях культуры, например в художественном тексте [4], и в семиотических научных работах могут быть эксплицированы философские мотивы [5]. Но возможно и другое направление исследования: в концептуальных разработках представителей постметафизической философии можно раскрыть становление самой семиотики – в качестве именно философского подхода, ориентированного на решение специфически философских проблем. Данный тезис означает, что философская семиотика существовала до семиотики как науки и до философии семиотики (направления, осуществляющего философскую рефлексии семиотических научных исследований). Таким образом, можно выделить три направления присутствия философии в семиотической парадигме: до семиотики, в семиотике и после семиотики. В настоящем исследовании мы сосредоточим внимание на проблеме философской семиотики до появления семиотики как науки.

Постметафизическая философия возникает в качестве ответа на событие кризиса европейской метафизики. Ситуация «утраты доверия к метанарративам» провоцирует необходимость переориентации философского дискурса и поиска новых концептуальных горизонтов философского мышления вплоть до разработки нового категориально-понятийного аппарата. Метафизические категории субстанции, явления, наличного бытия, трансценденции оказываются неадекватными для постметафизики. В этой ситуации одним из первых к поиску иных перспектив философского мышления обращается Ф. Ницше. В его учении

уже фактически представлен проект семиотической философии в качестве альтернативы метафизике. Разумеется, и философия языка, и теория знака разрабатывались и до Ницше. Но это была преимущественно метафизическая философия: язык трактовался в качестве сферы репрезентации бытия. Ницше реализует принципиально иной подход: само бытие оказывается лишь эффектом языка, грамматическим феноменом: «Язык, по его возникновению, относится ко времени рудиментарнейшей формы психологии: мы впадаем в грубый фетишизм, если вводим в наше сознание основные предположения метафизики языка, по-немецки: *разума*. Оно видит всюду делателя и делание: оно верит в волю как причину вообще; оно верит в “Я”, в Я как бытие, в Я как субстанцию и *проецирует* веру в субстанцию-Я на все вещи – оно *создает* впервые этим понятие “вещь”... Бытие вымысливается, *подсовывается* всюду; из концепции “Я” вытекает впервые, как производное, понятие “бытия”... В начале стоит великое роковое заблуждение, что воля есть нечто *действующее* – что воля есть *способность*... Нынче мы знаем, что она – только слово... <...> В самом деле, ничто до сих пор не имело более наивной силы убеждения, нежели заблуждение о бытии, как оно сформулировано, например, элеатами: ведь за него говорит каждое слово, каждое изрекаемое нами предложение! – Также и противники элеатов подчинялись обольщению их понятием бытия: в числе других и Демокрит, когда он измыслил свой *атом*... “Разум” в языке – о, что это за старый обманщик! Я боюсь, что мы не освободимся от Бога, потому что еще верим в грамматику...» [6. С. 31].

В приведенном фрагменте Ницше осуществляет философскую деструкцию основополагающих категорий метафизики: единства, идентичности, постоянства, субстанции, причины, вечности, бытия (Einheit, Identität, Dauer, Substanz, Ursache, Dinglichkeit, Sein). Все перечисленные категории лишаются своего онтологического статуса и полагаются в качестве продукта гипостазирования грамматики. Позднее данная тенденция будет разработана представителями позитивизма (Л. Витгенштейн, Р. Карнап) и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида). Аналогичные установки могут быть эксплицированы и в семиотике Ю.М. Лотмана [7].

По сути, речь у Ницше идет не об отрицании онтологии как таковой, но о формировании новой онтологической парадигмы, онтологии постметафизического типа [8]. Это не онтология трансцендентного бытия, бытия как «вещи в себе», по отношению к которой все чувственно-воспринимаемое выступает в качестве знака, «явления». У Ницше представлен проект онтологии *самого* знака. Означивание понимается философом не как репрезентация транс-

цендентной субстанции, но как перманентный процесс смыслообразования. В философии Ницше означивание не является репрезентацией воли к власти, гипостазированной на манер метафизики Шопенгауэра. Сам процесс означивания и есть не что иное, как воля к власти.

Это принципиальный момент. Волю к власти не следует понимать биологически-натуралистически. Тем более не следует подозревать Ницше в вульгарном дарвинизме. Воля к власти – сугубо семиотический процесс. Лучше всего этот момент прописан в «К генеалогии морали» – наиболее семиотической работе Ницше. Оспаривая прагматический подход к пониманию развития («глаз создан-де для зрения, рука создана-де для хватания»), мыслитель утверждает понимание истории как осуществляющегося во времени процесса означивания: «...совокупная история всякой “вещи”, органа, навыка может предстать непрерывной цепью знаков, поддающихся все новым интерпретациям и приспособлениям, причины которых не нуждаются даже во взаимосвязи, но при известных условиях чисто случайно следуют друг за другом и сменяют друг друга» [9. С. 293–294]. Эта поддающаяся все новым интерпретациям непрерывная цепь знаков (*eine fortgesetzte Zeichen-Kette von immer neuen Interpretationen und Zurechtmachungen sein*) и есть воля к власти как семиотический процесс: «...все цели, все выгоды суть лишь симптомы того, что некая воля к власти возгосподствовала над чем-то менее могущественным и самотворно оттиснула его значением определенной функции» [9. С. 293]. (*alle Zwecke, alle Nützlichkeiten sind nur Anzeichen davon, dass ein Wille zur Macht über etwas weniger Mächtiges Herr geworden ist und ihm von sich aus den Sinn einer Funktion aufgeprägt hat*). Воля к власти – не лежащая за знаками сущность, но непрерывная интерпретация знаков, процесс генерации новых смыслов и конфликт смыслов и интерпретаций.

В следующем положении мы сталкиваемся с основополагающим тезисом ницшевской семиотической онтологии: «Форма текуча, “смысл” еще более...» [9. С. 294]. (*Die Form ist flüssig, der “Sinn” ist es aber noch mehr...*). Воля к власти, понимаемая как процесс означивания и интерпретации, смыслообразования, не является чем-то фиксированным, раз и навсегда установленным. Воля к власти в качестве семиотического процесса представляет собой перманентное становление, непрекращающуюся генерацию новых смыслов и ценностей. Можно сказать, что Ницше реализует проект гераклитовской семиотики, исходящей из онтологической предпосылки понимания смыслообразования как потока, не ведающего завершения становления. Из этой установки Ницше выводит тезис, согласно которому любой предмет с исторической точки зрения есть «отнюдь не *один* смысл, но целый синтез “смыслов”» [9. С. 296]. (*nicht mehr Einen Sinn vor, sondern eine ganze Synthesis von “Sinnen”*).

Генеалогический метод исследования, используемый Ницше в качестве альтернативы метафизическому методу, предполагает экспликацию смысловых нюансов, выдвигаемых на передний план на той или

иной фазе преобразования понятия (*die Phase der Begriffs-Verwandlung*) [10. С. 627]. Совокупная история этих фаз преобразования понятия и образует синтез смыслов (*Synthesis von “Sinnen”*). Особое внимание Ницше уделяет моментам кардинальных трансформаций смысла, пунктам, в которых происходит «радикальный выверт смысла» (*die “Sinnes”-Änderung, die radikale Sinnes-Umschlag*) [10. С. 684], впадение в противоположную крайность [9. С. 316]. В результате Ницше приходит к утверждению невозможности сведения предмета к единому знаменателю, к раскрытию множественности и гетерогенности смыслового горизонта понятий. По этой причине в текстах философа при внимательном чтении мы никогда не найдем полагания какой-либо одной доминирующей идеи, но всегда будем обнаруживать пучок расходящихся в разных направлениях смыслов. По словам Ницше, в его произведениях читатель встретит «некое эстетическое отвращение к громким, добродетельным и не допускающим возражений словам и вкус, дающий отпор при виде всевозможных четырехугольных противоположностей, *желающий* от вещей доброй доли зыбкости и стирающий противоположности, потому что предпочитает оттенки, тени, послеполюденные блики и безбрежные моря» (*der Zwischenfarben, Schatten, Nachmittagslichter und endlosen Meere*) [11. С. 131].

Подход, ориентированный на стирание противоположностей и экспликацию гетерогенной множественности оттенков смысла, может быть охарактеризован как семиотика трансгрессии. Такая семиотика выступает в качестве альтернативы метафизической семиотики, представленной в учениях Платона, Канта, Гегеля, Шопенгауэра (называем здесь только наиболее значительных представителей).

В учении Платона задается универсальная схема метафизической семиотики: идея как сверхчувственное означаемое, чувственно воспринимаемая вещь как означающее. Метафизическое означаемое доступно только умозрению: акту, предполагающему переход от множественности означающих к единству универсального означаемого. У Канта это трансцендентное означаемое становится «утопленным», закрывается путь к умозрению, познание возможно только в сфере означающих (явлений). Гегель осуществляет переход от «утопленного означаемого» к «плавающему означаемому»: от неразрешимой потусторонности «вещи в себе» к диалектическому понятию как единству многообразных определений, понятию как процессу, переходящему через противоречие изолированных моментов к их абсолютной тотальности. В учении Шопенгауэра мы находим хаотическое означаемое: стихийная воля в качестве единого основания всех означающих. При всех различиях во всех системах реализована одна семиотическая модель – трансцендентное означаемое как универсальный источник семозиса. Определенная тенденция к преодолению этой модели наблюдается у Гегеля, вносящего процессуальность и становление в сферу самоозначаемого. Даже складывается впечатление, что в гегелевской диалектике стирается граница между означаемым и означающим, по крайней мере

означающее и означающее у него постоянно меняются местами. Но и у Гегеля в завершении диалектического процесса утверждается метафизическая тотальность идеи. И не следует забывать, что в гегелевской философии то, что достигается в завершении процесса, уже предустановлено изначально. Через окольные пути диалектики Гегель пришел к утверждению платонизма. Платоновская семиотическая модель восторжествовала и в гегельянстве.

Историко-философская значимость Ницше состоит в том, что в его учении реализуется действительный переход от платоновской семиотической модели к гераклитовской. Проблема состоит в том, что в европейской философии именно платоновская модель получила однозначный перевес. Это привело к тому, что за достаточно продолжительный период развития европейской метафизики многие аспекты данной модели были тщательно разработаны, а отчасти и исчерпаны. Побочным моментом этого стала фактически полная нераскрытость философского и семиотического потенциала линии Гераклита. Для западной метафизики Гераклит остался тайной за семью печатями. В XX столетии М. Хайдеггер не нашел ничего лучше, как заявить, что оппозиция Гераклита и Парменида – мнимая, надуманная [12]. Данное утверждение привлекательно во многом в силу своей парадоксальной оригинальности и неожиданности, в действительности же Хайдеггер просто вписал Гераклита в магистральную онтолого-семиотическую модель западной метафизики. Подобным же образом он поступил и с Ницше, истолковав его учение в качестве последнего слова европейской метафизики.

Вопреки авторитетной и по сей день позиции Хайдеггера, мы постараемся продолжить обоснование тезиса, что в учении Ницше реализуется принципиально иная семиотико-онтологическая модель. Эту модель можно было бы назвать гераклитовской. Однако потенциал гераклитовского учения был в столь незначительно малой степени реализован в истории философии, что не будет несправедливости в том, чтобы назвать эту модель ницшеанской. Не имея за спиной фактически никого, кроме далекого, забытого и непонятого Гераклита, Ницше практически начинал все самого начала.

Еще раз подчеркнем принципиальное отличие семиотической онтологии Ницше от метафизической семиотики Платона: в ницшеанской модели нет трансцендентного означаемого. Есть только не имеющий ни начала, ни конца, не ведающий завершения процесс интерпретации. Интерпретация и есть воля к власти – не лежащая в основании всего и подлежащая репрезентации сущность, но сам процесс означивания и смыслообразования: «На самом деле *интерпретация* – это прямо-таки *способ получить господство над чем-нибудь*» [11. С. 127]. Поскольку семиотический процесс как воля к власти не может получить завершения, неизбежно возникает ситуация конфликта интерпретаций. А именно: уже существующие истолкования вступают в противоречие с новыми истолкованиями. Преодоление уже существующих интерпретаций есть необходимый компонент

воли к власти как трансгрессивного феномена, ориентированного на выход за пределы установленных границ: «всякое *возвышение человека* несет с собою преодоление ограниченных интерпретаций... всякое достигнутое усиление и расширение власти открывает новые перспективы и призывает верить в новые горизонты» [11. С. 104]. Из этой перспективы рождается идея сверхчеловека. Речь идет вовсе не о каком-то новом биологическом типе, но о новом способе истолкования, о новом горизонте оценок: «Проблема, которую я здесь ставлю, не в том, что должно сменить человечество в череде живых существ, но – какой тип человека надлежит *вывести*, надлежит *извопить*: как более ценный, более достойный жизни, какому принадлежит будущее» [13. С. 180].

Положение о выведении человеческих типов неоднократно интерпретировалось в смысле евгеники [14. С. 195–200]. Конечно, сам Ницше дает повод к подобным заключениям, поскольку достаточно щедро использует в своих афористических высказываниях физиологическую терминологию. Ницше действительно говорит о выведении, взращивании (*Züchtung*) не только в метафорическом, но и в прямом смысле. Однако сторонники натуралистического прочтения Ницше забывают, что для философа сама физиология представляет собой процесс интерпретации как воли к власти. Об этом достаточно ясно сказано в «К генеалогии морали»: «Но все задачи, всякая полезность суть лишь *симптомы* того, что некая воля к власти возобладала над чем-то менее могущественным и сама прочно наделила его значением определенной функции; и оттого совокупная история всякой “вещи”, органа, навыка может предстать непрерывной цепью знаков, поддающихся все новым интерпретациям и приспособлениям, причины которых не нуждаются даже во взаимосвязи, но при известных условиях чисто случайно следуют друг за другом и сменяют друг друга» [9. С. 293–294]. Мы видим, что у Ницше вещь, орган и навык стоят в одном ряду, все они представляют собой непрерывную цепь знаков (*Zeichen-Kette*), подлежащую истолкованию. Поэтому Ницше может использовать физиологическую терминологию и во вполне прямом смысле – поскольку семиотический аспект для него и есть прямой смысл.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что задача взращивания человека нового типа означает для философа в первую очередь преодоление установленных и фиксированных интерпретаций и созидание новых горизонтов смыслов и ценностей. Это справедливо даже в тех случаях, когда Ницше говорит о зачатии и рождении в прямом, биологическом смысле. И брак по Ницше представляет собой волю двух созидать дальше и выше себя («Так говорил Заратустра») – ценностный аспект здесь неотделим от физиологического, само физиологическое имеет, по Ницше, знаковую природу, как было показано выше. Таким образом, проблема разграничения физиологического и семиотического в работах Ницше должна быть снята – у Ницше нет оппозиции физиологического и знакового.

Воля к власти в перспективе жизни отдельного человека предполагает императив “über sich hinausbauen”:

«формировать дальше *себя самого*: воля к власти как самовозвышение и усиление» [11. С. 191]. В перспективе жизни общества и государства речь идет о созидании необходимых для самопреодоления и самовозвышения человека условий существования. В этом моменте – в сфере политической философии – одновременно проявляются как точки пересечения, так и пункты расхождения учений Платона и Ницше. Общие тенденции очевидны и не раз отмечались в литературе [14]. И Платон, и Ницше выступают сторонниками аристократического общества и государства. И Платон, и Ницше говорят о выведении определенных типов человека как о главной задаче правильной организации государственного строя. И Платон, и Ницше настаивают на справедливости предписания различных ценностей для разных слоев общества, признают необходимым подчиненное положение масс как фундамента возвышения отдельных типов человека. И для Платона, и для Ницше политика есть в первую очередь философский проект, проект, созданный философом и для философов. Но как раз в философском аспекте и проступают принципиальные различия метафизической семиотики и семиотики трансгрессии.

Как справедливо отмечает Е.Н. Трубецкой, смысл политической утопии Платона «в осуществлении божеского начала в человеке»: «Задача философского государства именно в том и заключается, чтобы осуществить этот нормальный душевный строй, совершить тот полный поворот человека к Богу, о котором повествуется в знаменитом сравнении земной жизни с пещерой» [15. С. 559, 601]. Русский философ верно уловил религиозную направленность платоновского учения о государстве. Он же указал и на историческую ограниченность богопознания в платонизме: «Для Древней Греции Божество должно было оставаться *только* идей; соответственно с этим и *царство Божие* могло здесь быть *только* философским царством. Платон сказал миру вещное слово. Но *это* слово не могло перейти в дело, стать плотью и вочеловечиться по той простой причине, что оно не было Богом. Божество-идея не могло ни сойти на землю, ни поднять ее до себя. Оно должно оставаться вне области генезиса, то есть, иначе говоря, не могло родиться в мир» [15. С. 640–641]. Впоследствии на новом витке этот конечный вывод платонизма повторит Гегель: и он будет утверждать Бога в качестве идеи. Но идея не есть Бог, идея есть трансцендентное означаемое. В замене Бога трансцендентным означаемым – трагедия европейской философии, избравшей путь метафизической семиотики, пока безумный человек из «Веселой науки» не возвестил смерть *этого* Бога (Бога, который не был Богом...).

Возвестив «смерть Бога», Ницше разом опрокинул модель метафизической семиотики, чего не смогли сделать ни Кант, ни Гегель, ни Шопенгауэр. С Ницше

в философии был открыт путь для семиотической онтологии нового типа. Новая семиотическая модель прочитывается в ницшевской трактовке политики как созидании форм (Formen-schaffen), как артистического насилия (Künstler-Gewaltsamkeit) [9. С. 303]. Здесь речь идет не о репрезентации трансцендентного Бога-идеи в порядке общественного строя, но о государстве как творческой силе, оформляющей и организующей бесформенную (gestaltlose) массу полуживотных (Halbthier). Высшие смыслы не репрезентируются в наличном бытии, они создаются в самом наличном бытии, понятом как воля к власти, как семиотический процесс.

В постструктурализме это открытие Ницше новой семиотической модели вырождается в трактовку бытия как лишенной трансцендентного измерения игры означающих. Однако сам Ницше остается мыслителем, бесконечно превосходящим всех поборников языковых игр. Ницше неоднократно подчеркивал, что воля к власти лишена какой-либо цели. И на первый взгляд это обстоятельство сближает философа с постмодернизмом. Однако Ницше говорит лишь об отсутствии *заданной* цели, цели, гипостазированной в качестве трансцендентного означаемого. Но отсюда не следует, что воля к власти вообще не может иметь каких-либо целей. Как семиотический процесс воля к власти сама есть не что иное, как созидание и полагание целей (а также смыслов и ценностей). Она сеть конфликт и война гетерогенных целей, смыслов и ценностей. И она есть победа, обладание одних целей, смыслов и ценностей над другими. И уже здесь, в сфере этой борьбы различных ценностных и целевых перспектив за господство, Ницше утверждает иерархию. Высшее положение в этой иерархии отводится тем целям, которые выражают «стремление к увеличению дистанции в самой душе, достижение все более возвышенных, более редких, более отдаленных, более напряженных и широких состояний, <...> возвышение типа “человек”, продолжающееся “самопреодоление человека”» [9. С. 191]. (Verlangen nach immer neuer Distanz-Erweiterung innerhalb der Seele selbst, die Herausbildung immer höherer, seltenerer, fernerer, weitgespannterer, umfänglicherer Zustände, kurz eben die Erhöhung des Typus “Mensch”, die fortgesetzte “Selbst-Überwindung des Menschen”) [16. S. 189]).

Ориентация на иерархический порядок ценностей вновь позволяет провести параллель между Ницше и Платоном. При этом еще раз артикулируется различие семиотико-онтологических моделей: Платон исходит из внутреннего строя души, из порядка вечных идей, Ницше утверждает волю к власти как процесс созидания высших ценностей и порядков существования. Платон исходит из подлежащего репрезентации трансцендентного означаемого, у Ницше сама воля к власти представляет собой семиотический процесс.

Список источников

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с.
2. Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 6–14.
3. Шелковников А.Ю. Философия семиотики. М. : АПКППРО, 2006. 172 с.

4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб. : Азбука, 2016. 704 с.
5. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–67. DOI: 10.17223/15617793/419/7
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2009. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Эссе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. 408 с.
7. Фаритов В.Т. Феномены границы и трансгрессии в исследованиях Ю.М. Лотмана: онтологические основания семиотической философии // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 77–82. DOI: 10.17223/15617793/434/9
8. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). СПб. : Алетейя, 2017. 442 с.
9. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер». 480 с.
10. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S.
11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2005. Т. 12: Черновики и наброски 1885–1887 гг. 560 с.
12. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 327–345. (Мыслители XX века).
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2006. Т. 13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. 688 с.
14. Аппель Ф. Ницше против демократии. СПб. : Наука, 2016. 287.
15. Трубецкой Е.Н. Социальная утопия Платона // Трубецкой С.Н., Трубецкой Е.Н. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 557–645.
16. Nietzsche F. *Jenseits von Gut und Böse*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2006. 294 S.

References

1. Avtonomova, N.S. (2009) *Otkrytaya struktura: Yakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov* [Open Structure: Jacobson-Bakhtin-Lotman-Gasparov]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
2. Nesterov, A.Yu. (2021) Semiotika kak metodologiya i ontologiya [Semiotics as methodology and ontology]. *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*. 1 (1). pp. 6–14.
3. Shelkovnikov, A.Yu. (2006) *Filosofiya semiotiki* [Philosophy of Semiotics]. Moscow: APKiPPRO.
4. Lotman, Yu.M. (2016) *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The Structure of the Artistic Text. Analysis of the poetic text]. Saint Petersburg: Azbuka.
5. Faritov, V.T. (2017) Semiotics of transgression: Yu.M. Lotman as a literary critic and philosopher. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–67. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/7
6. Nietzsche, F. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Vol. 6. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
7. Faritov, V.T. (2018) Phenomena of border and transgression in Yuri Lotman's research: ontological bases of the semiotic philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 77–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/9
8. Faritov, V.T. (2017) *Ontologiya transgressii: G.V.F. Gegel' i F. Nitsshe u istokov novoy filosofskoy paradigmy (iz istorii metafizicheskikh ucheniy)* [Ontology of Transgression: G.W.F. Hegel and F. Nietzsche at the origins of a new philosophical paradigm (from the history of metaphysical teachings)]. Saint Petersburg: Aleteyya.
9. Nietzsche, F. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Vol. 5. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
10. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
11. Nietzsche, F. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Vol. 12. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
12. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 327–345.
13. Nietzsche, F. (2006) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Vol. 13. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
14. Appel, F. (2016) *Nitsshe protiv demokratii* [Nietzsche against Democracy]. Translated from German. Saint Petersburg: Nauka.
15. Trubetskoy, E.N. (2010) *Sotsial'naya utopiya Platona* [Social utopia of Plato]. In: Trubetskoy, S.N. & Trubetskoy, E.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 557–645.
16. Nietzsche, F. (2006) *Jenseits von Gut und Böse*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.

Информация об авторах:

Фаритов В.Т. – д-р филос. наук, профессор кафедры “Философия и социально-гуманитарные науки” Самарского государственного технического университета (Самара, Россия). E-mail: vfar@mail.ru

Дёмин И.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.T. Faritov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Samara State Technical University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

I.V. Demin, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 27.11.2021;
approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 30.08.2022.*